

„Дачники“.

Въ „Нов. Дня“ напечатанъ отчетъ о новой пьесѣ М. Горькаго—„Дачники“.

— Наша жизнь представляется мнѣ точно ледъ на рѣкѣ. Онъ блеститъ, онъ сверкаетъ. Овъ какъ-будто чистый. Но въ немъ много сору, много всякой грязи. А поднимъ, скланная имъ,—волны. Когда я читаю хорошія, большія книги, мнѣ кажется, что восходитъ горячее, яркое солнце. Оно растопитъ ледъ, сгонитъ всю грязь. И широко разольются вольныя волны.

И еще:

— Я чувствую, придутъ скоро какіе-то другіе люди, не такіе, какъ мы, и сметутъ всѣхъ насъ, какъ ненужный соръ. И начнется новая, прекрасная жизнь.

Корреспондентъ цитируетъ на память, только приблизительно, но вѣрно въ смыслѣ, эти два монолога героини „Дачниковъ“. Въ нихъ—точно формула обѣихъ частей основной идеи новой драмы Максима Горькаго,—отрицанія и вѣры, рѣзкаго разрыва съ настоящимъ и радостныхъ чаяній въ будущемъ.

Авторъ поднялся со „дна“ къ общественному верху, къ тому, что освящаетъ себя именемъ интеллигенціи. И тамъ встрѣтилъ все ту же героиню для своего изображенія и обличенія, ту же „фею здѣшнихъ мѣстъ“—торжествующую пошлость. Она опредѣляетъ жизнь, она всегда говоритъ, въ маломъ и большомъ, послѣднее слово, она отливаетъ тѣсныя, уродливыя формы для всей сутолоки жизни, личной, семейной, общественной. Она рѣжетъ крылья смѣлымъ мыслямъ, гордымъ порывамъ и яркимъ чувствамъ, размѣниваетъ большія страданія и большія радости на мелочь обывательской тоски, унылыхъ причитаній и трусливаго благополучія. И правитъ она, самоотверженная, всевластная, черезъ страхъ передъ жизнью.

Не живутъ люди,—робко жмутся около жизни, и какія-то сумеречныя у нихъ чувства, и мысли—точно вспугнутыя, переполненныя летучія мыши. Мы—точно чужіе въ жизни, точно случайные гости. Дачники. Пришли, нашумѣли безъ толку, насорили на прекрасномъ донѣ природы, испортили землю—и ушли безъ слѣда. Только соръ остался.

— Насъ высмалъ народъ, какъ своихъ передовыхъ,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы,—чтобы мы расчистили ему путь къ свѣту, къ счастью; а мы совсѣмъ ушли отъ него, мы забыли про пославшихъ насъ. Мы выросли его соками. Но мы ничѣмъ не заплатили ему. И долгъ нашъ все растетъ. Овъ—неоплатный.

— Вы,—дополняетъ эту рѣчь другая героиня драмы,—только стонете, только жалуетесь, только показываете свои маленькія язвы, и тѣмъ еще больше отравляете воздухъ, еще гуще засариваете жизнь. Почему вы—интеллигенція? Вы—самозванцы интеллигенціи. Проклятіе вамъ, только стонущимъ, только бессильно, распылчато жалующимся! Взойдетъ горячее, яркое солнце и растопитъ ледъ, и сгонитъ грязь, и разольются широкія волны...

Въ этомъ проклятіи, глубоко выстраданномъ, дерзкомъ дерзостью страданія, облитомъ искреннею горечью, и въ этой томнящей, сжигающей жаждѣ восхода солнца—все внутреннее содержаніе пьесы. Въ этомъ—ея сила. Въ ея словахъ слышится мѣдъ набата. И этимъ пьеса властно беретъ зрителя. Художникъ уступилъ мѣсто трибуну, отдалъ ему въ распоряженіе яркость своихъ красокъ, большую образность своей рѣчи, вѣжннй лиризмъ и бурную страстность своего художественнаго темперамента.

Но то, что хотѣлъ сказать Горькій, и важное, и вѣрное, врядъ ли слѣдовало говорить черезъ пьесу, а если уже черезъ пьесу,—не такъ, какъ это сдѣлалъ Горькій.

И зрителю,—говоритъ въ заключеніе газета,—также приходится пренебречь пьесою. но раскрыть душу бурнымъ рѣчамъ, что рвутся изъ пьесы, восторженно зовутъ къ прекрасной правдѣ, къ жизни людей, а не „дачниковъ“. Знаете, сказать откровенно, одной хорошей или дурной пьесой больше, меньше,—не такъ ужъ это важно. Булящій же голось,—онъ во-истину важный. И за него охотно простишь все другое.